

Е.В. Лебедева

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ
ГЛАЗАМИ СТОЛИЧНЫХ ЧИНОВНИКОВ
(по архивным документам второй половины XVIII века)**

О начальном периоде существования первых петербургских немецких колоний, основанных в 1765–1766 гг., сохранилось мало исторических свидетельств¹. В этой связи особую ценность представляют немногочисленные документы, обнаруженные в фондах Российского государственного исторического архива. В основу данной статьи положены три описания немецких селений, составленные по итогам обследований, проведенных представителями органов управления колониями в 1780, 1797 и 1799 гг.² Поскольку эти документы были впервые введены автором в научный оборот, представляется оправданным привести по ходу изложения значительное количество цитат, содержащих как фактические сведения, так и суждения курировавших колонии чиновников.

Первый из документов появился вскоре после того, как три ближайшие к столице немецкие колонии (Новосаратовская, Среднерогатская и Ижорская), находившиеся с момента своего основания под началом обер-директора В.Р. фон Полямана, перешли под фактический контроль Царскосельской конторы. К этому времени колонисты уже около 15 лет жили в России. Как предполагалось при их поселении, за этот срок они должны были адаптироваться к новым условиям, наладить хозяйство и приступить к исполнению своих обязательств перед российской казной — уплате поземельной подати за предоставленные каждому семейству участки в размере 30–35 десятин, а также возмещению понесенных государством затрат на их обустройство, размеры которых составляли от 878 руб. 90 коп. на двор в Среднерогатской колонии до 1304 руб. 90 коп. в Новосаратовской³. Однако с наступлением назначенного срока жители всех колоний

объявили о невозможности выполнения оговоренных в подписанных ими контрактах условий — ни в полном, ни в уменьшенном по указанию Екатерины II размере. В связи с этим директору Царскосельской конторы тайному советнику А.П. Кашкину было поручено «представить мнение» о действительном уровне платежеспособности колонистов⁴.

Для выяснения причин сложившейся ситуации А.П. Кашкиным был привлечен занявший незадолго до этого пост директора петербургских колоний Ф.Ф. Рогенбуке. К этому времени Ф.Ф. Рогенбуке (Рогенбук, Роггенбуке) — сын одного из создателей янтарной комнаты в Екатерининском дворце — был автором ряда переводов книг немецкого географа А.Ф. Бюшинга; позже, благодаря своим публикациям в изданиях Вольного экономического общества, он стал известен как специалист по сельскому хозяйству, а в 1803 г. занял должность главного судьи Саратовской конторы опекуства иностранных, приняв на себя, таким образом, руководство немецкими колониями Поволжья.

По поручению А.П. Кашкина Рогенбуке произвел обследование всех ста десяти хозяйств в Новосаратовской, Среднерогатской и Ижорской колониях и подготовил по его итогам отчет, позволяющий составить представление о сложностях и проблемах, с которыми столкнулось после переселения в Россию первое поколение петербургских колонистов.

На момент ревизии население трех колоний составляло около 500 человек. Некоторые из колонистов (16 человек, часть из них с семьями) к этому времени уже покинули свои селения и, несмотря на строгие запреты, разошлись по разным городам. Около трети оставшихся хозяев, истратив ссудные деньги, прекратили заниматься земледелием и передали свои участки другим в обмен на обеспечение себя продуктами питания. Значительная часть дворов перешла при этом в руки сыновей соседей, которые, не имея достаточного земледельческого опыта, не могли в полной мере выполнять взятые на себя обязательства, из-за чего между договорившимися сторонами происходили конфликты. Многие из молодых хозяев вынуждены были полагаться на помощь семьи, в связи с чем, как пишет Рогенбуке, «родственников своих привели в слабость»⁵. Не видя возможности улучшить свое благосостояние, молодые колонисты, приняв хозяйства, отказывались подписывать от своего имени заключенные в свое время их отцами контракты и приносить присягу российской короне,

полагая, что после этого будут принуждены уплачивать налоги и взносы на погашение ссуды. Зачинщиками неповиновения были, по словам чиновника, колонисты Лидерс и Фишер. Последний характеризовался как «беспокойный человек», который «много делает в колонии беспорядка»⁶.

В сложившейся ситуации неопределенности, как отмечает автор отчета, «всякий в колонии хозяин, презирая общее обязательство и не стараясь об общей пользе, поступал во всем по слабости начальников по собственной необузданной своей воле»⁷.

Произведя оценку колонистских хозяйств, включая разработанные под посев участки земли, Рогенбуке пришел к выводу, что их нынешняя совокупная стоимость (61 931 руб. 93 коп.) была в два раза ниже суммы, вложенной государством в обустройство колонистов при поселении (121 944 руб. 73 коп.)⁸. По итогам подворного обследования от 30 % до 40 % хозяев в каждом из подстоличных селений были признаны «неисправными в своем домоводстве»⁹. Главным критерием для вынесения оценки была возможность либо невозможность колонистов обеспечивать себя хлебом и другими продуктами питания. Основными культурами, возделывавшимися на полях колонистов, были рожь, овес и картофель, в то время еще только начинавший распространяться в регионе. Несмотря на достаточно высокую урожайность зерновых, хлеба большинству колонистских хозяйств не хватало до следующего урожая, т.к. под посев была распахана очень незначительная часть семейных наделов¹⁰.

Согласно сведениям, собранным Рогенбуке с самих жителей колоний и приведенным в его отчете, колонисты видели причины хозяйственного упадка прежде всего в низком качестве предоставленной им при поселении земли. Отказ от внесения платежей обосновывался ими тем, что при подписании контрактов они не представляли себе реальных условий хозяйствования на новом месте и исходили из своего прежнего опыта. Многие переселенцы прибыли из юго-западного региона Германии с его плодородными землями, под Петербургом же они получили непригодные для обработки участки, значительная часть которых приходилась на болота. Все колонисты жаловались на недостаток сенокосов и дровяного леса, новосаратовские — на лишение их права рыбной ловли в границах селения, ижорские и среднерогатские — на воровство с полей и сенокосов¹¹.

Принимая во внимание перечисленные обстоятельства, новосаратовские и среднерогатские колонисты просили о существенном сни-

жении поземельной подати, составлявшей около 20 руб. с двора, а ижорские утверждали, что вообще не в состоянии ее уплачивать¹².

Директор колоний, со своей стороны, считал, что неуспех первых лет существования немецких селений коренился в безответственном отношении колонистов к переданным в их владение хозяйствам, неподчинении властям, лени и непривычке к крестьянскому труду. «Вашему превосходительству небезызвестно уже, — писал он в своем отчете А.П. Кашкину, — сколь неосновательны показуемые колонистами причины их несостояния к платежу»¹³. По мнению Рогенбуке, переселенцы были «удовольствованы надлежащим числом земли», а относительно ее качества они в контрактах «ничего не выговаривали»¹⁴. При этом «13 лет не прилагали они никакого старания в надлежащих местах сделать расчистки, провести рвы и те <...> места осушивать и сделать их способными к произрастанию травы»¹⁵. «Худое рачение к домоводству и малое прилежание» было видно и в том, что «в домах не выправлено ими ни малейшего починения и дворы не огорожены, <...> нет почти ни одного хозяйства, в котором бы имение стоило больше произведенной им <...> ссудной суммы»¹⁶. Приобретя привычку безответственно тратить выделенные им казной деньги, колонисты «живут по большей части в роскоши, пьют кофе и чай, часто имеют между собою собрание и употребляют вино и пиво»¹⁷. В наибольшей степени это замечание относилось к Новосаратовской колонии, где уже в первые годы после поселения без позволения начальства был построен питейный дом. Лишь в отношении ижорских колонистов было признано, что причиной их бедности, помимо нерачения, является плохое качество земли.

Директор Царскосельской конторы А.П. Кашкин согласился с мнением Ф.Ф. Рогенбуке и подготовил на основании его отчета доклад о состоянии колоний для Екатерины II, в котором высказал, в частности, следующие предложения: взыскать поземельную подать за 1779 г. в сумме 1069 руб. 10 коп. с 79 хозяев, признанных способными к ее уплате, а «когда добровольно к платежу не согласятся, собрать с них с принуждением»; оставшиеся 881 руб. 35 коп. причислить к сумме долга; молодых хозяев, не желающих приносить присягу и подписывать контракты, возвратить в их прежние хозяйства в качестве работников, а на их места поставить других сыновей жителей колоний; запретить в дальнейшем переход колонистов из одной колонии в другую; тех, кто будет не в состоянии платить и за кого не согласится платить общество, а также признанных нерадивыми, опре-

делять для исправления в казенную работу. Таким же образом следовало наказывать и зачинщиков беспорядков¹⁸.

Помимо усилий, нацеленных на взыскание платежей, Рогенбуке в своем докладе предлагал предпринимать меры, направленные на «приучение» колонистов к трудам, и высказывал некоторые соображения по поводу осушения болот и удобрения полей. Подробных сведений о том, в какой мере были реализованы данные предложения, не имеется. Вместе с тем известно, что к уплате поземельной подати и ссудных денег колонисты приступили лишь в 1792 г. — после того, как величина взносов была понижена указом Екатерины II еще в два раза.

Две следующие ревизии в петербургских немецких селениях состоялись по прошествии почти двадцати лет и были связаны с очередными изменениями в системе управления колониями. В 1797 г. по указанию Павла I все иностранные поселения в России были переданы в ведение вновь созданной Экспедиции Государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства¹⁹. Непосредственный контроль над петербургскими колониями был поручен одному из членов Экспедиции — действительному статскому советнику З.А. Хитрово, прежде занимавшему, в частности, должности тульского губернского предводителя дворянства и члена правления Заемного банка. В 1799 г. его сменил коллежский советник В.А. Озеров, исполнявший обязанности управляющего канцелярией Экспедиции. В.А. Озеров был участником русско-турецкой войны 1787–1792 гг., служил в Сенате, Лесном департаменте, но в историю он вошел как один из основоположников русской драматургии, автор получивших широкую известность в начале XIX в. пьес «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской» и др.

Оба чиновника побывали во всех вверенных их попечению немецких селениях и составили подробные отчеты по итогам своих поездок. На этот раз в поле их зрения оказались и располагавшиеся в отдалении от Санкт-Петербурга Ямбургские колонии — Луцкая, Порховская и Франкфуртская, основанные в одно время с подстоличными.

В целом ревизоры сходятся в своих оценках состояния колоний. Из их отчетов явствует, что за два десятилетия, прошедшие после обследования Ф.Ф. , ситуация в немецких селениях существенно изменилась к лучшему. На рубеже XVIII–XIX веков хозяйство колонистов уже значительно превосходило хозяйство местных (как русских, так и финских) крестьян и носило ярко выраженный рыночный характер.

Половина пашни в подстоличных колониях была отведена под посадки картофеля, доходы от продажи которого составляли от 100 до 250 руб. в год на семью. Колонии почти полностью обеспечивали себя зерновыми. Общей проблемой по-прежнему была нехватка сена (из-за недостатка покосов в составе наделов), что не позволяло увеличивать количество скота. Тем не менее и в имеющихся условиях колонистами в значительных количествах поставлялись на петербургский рынок молоко, сливки и масло.

Особую ценность отчетам З.А. Хитрово и В.А. Озерова придает то обстоятельство, что они позволяют не только составить общее представление о состоянии петербургских колоний, но и проследить присущие каждой из них особенности.

Наиболее благополучной обоими ревизорами признавалась Среднерогатская колония. В.А. Озеров охарактеризовал ее состояние как «весьма цветущее»²⁰. В 1797 г. в колонии, как и в момент ее основания, было 22 двора, в них проживали 86 душ м.п. и 93 души ж.п.²¹ Колонисты жили по-прежнему в домах, предоставленных им казной, к которым, впрочем, были прибавлены новые постройки «как для собственного тех поселяну употребления, так и для отдачи в наймы приезжающим в летнее время городским жителям»²². В докладе З.А. Хитрово отмечалось, что «все дворы устроены довольно хорошо и снабдены всеми нужными к сельскому хозяйству потребностями»²³. Поскольку близости от колонии не было реки либо других источников для снабжения водой, на участках у многих из колонистов были вырыты пруды²⁴.

Среднерогатские колонисты были к этому времени вполне успешными земледельцами. Из приходившегося на каждый двор 30-десятинного земельного надела было распахано по 3 десятины (по 1,5 десятины под зерновые и картофель). Возле домов были огороды, в которых выращивались овощи. На полях возделывались рожь, овес и в небольших количествах ячмень. Урожай этих культур составлял в среднем сам-4 — сам-5. По словам одного из чиновников, колонисты пытались выращивать и другие культуры, но эти «опыты» оказались неудачными. Урожай картофеля достигал сам-10; каждая семья, продавая его в год более 100 четвертей, получала чистую прибыль от 150 до 250 руб.²⁵ В каждом хозяйстве было по две лошади и как минимум по четыре коровы. Жители колонии поставляли молоко, сливки и масло «в частные дома Петербурга», вероятно, имея постоянный круг покупателей. Свообразным источником дохода была продажа в городе камня, собиравшегося колонистами на их полях. Некоторые

семьи брали «на выкормление» детей из Петербургского воспитательного дома. Трое колонистов имели кузницы, а один — замшевую фабрику, на которой выдвельвались перчатки и другие изделия²⁶.

Чиновниками особо отмечалось, что колонисты, в отличие от местных крестьян, приобретают на рынке все необходимое для быта, тратя значительные средства на покупку «домашних надобностей и одежды на себя, жен и детей», так как «женщины их кроме шитья белья и вязания из покупной шерсти чулок никаким рукоделием не занимаются, да и времени на то не имеют, быв заняты домашнею Экономиею и присмотром за скотиною и отъезжая в город для продажи своих продуктов»²⁷.

Высокий достаток позволил среднерогатским колонистам построить и содержать школу, в которой в зимнее время дети под присмотром шульца (старосты) обучались грамоте и Закону Божию.

Главную причину процветания колонии чиновники видели в ее удачном местоположении. По мнению В.А. Озерова, Среднерогатская колония находилась в особом положении относительно других «по близкому разстоянию сей колонии от города, доставляющему ей удобность продавать свои продукты и получать нужный позем для удобрения своих полей и огородов»²⁸.

Примечательно, что в высоком уровне благосостояния колонистов чиновники увидели не столько достоинство и проявление успеха, сколько источник проблем. «Сей самый избыток причиною, — отмечал В.А. Озеров, что сии колонисты удовлетворяют прихотям, не свойственным для поселян, а некоторые начинают вдаваться в пьянство и разврат»²⁹. Для исправления ситуации Озеровым было предписано еще раз ознакомить колонистов на общем съезде с разработанными для них в свое время Полицейским уставом и Инструкцией сельским приказам и объявить, что все оговоренные в этих документах взыскания за различные виды проступков и нарушений «будут чиниться неослабно»³⁰. Это же требовалось сделать и в других колониях. В качестве меры, призванной лишить среднерогатских колонистов излишних, по мнению автора отчета, денежных средств, предлагалось двукратное повышение поземельной подати — т.е. доведение ее до оговоренного в контракте размера в 1 руб. 23 коп. с десятины³¹.

Жители Новосаратовской колонии также заслужили неодобрительные отзывы обоих чиновников. Их селение имело не менее выгодное местоположение — недалеко от столицы, на берегу Невы (напротив Рыбачьей слободы), что позволяло в летнее время использовать

водный путь, доставляя в город произведенную продукцию, а из города — удобрения на поля, но эти преимущества не были реализованы в должной мере.

На 1797 г. в колонии было 60 дворов с общим населением 227 душ м.п. и 231 душа ж.п.³² По своему внешнему виду она мало соответствовала сложившимся представлениям о немецком селении. «В сей колонии, — писал в своем отчете В.А. Озеров, — наиболее нашел я безпорядков. У некоторых колонистов при домах дворы не огорожены, в полях полосы не вспаханы, вообще примечается нерадение к хозяйству»³³. Похожие высказывания содержатся и в докладе З.А. Хитрово: «Выключая некоторые дворы, <...> в коих видны небольшие поправки и пристройки, прочия приходят в ветхость и хозяева малое имеют об них старание. Сие доказывается и тем, что у домов нет ни заборов, ни ворот»³⁴. Причину небрежного отношения к своим домам З.А. Хитрово видел в том, что, хотя каждый дом был закреплен за одним семейством, фактически после вступления в брак взрослых сыновей там жили по две-три отдельные семьи, не заинтересованные в поддержании в порядке общего имущества.

Новосаратовка являлась крупным по меркам того времени селением и центром церковного прихода Св. Екатерины, к которому принадлежали жители всех трех подстоличных колоний. О том, как выглядела ее «общественная» часть, пишет З.А. Хитрово: «В колонии построена церковь, лютеранского исповедания, Пасторский дом и училище, где обучаются малолетняя обоюбого пола грамоте и Закону. Посреди селения построен питейный дом и водочная лавка»³⁵.

По уровню хозяйственного развития Новосаратовская колония существенно уступала Среднерогатской. Урожай зерновых был здесь несколько ниже (сам-3 — сам-5 для ржи и сам-2 — сам-4 для овса), картофеля на семью также собиралось меньше (от 60 до 80 четвертей), а доход от его продажи составлял от 100 до 150 руб. в год³⁶. На каждое хозяйство приходилось в среднем по одной лошади и по две коровы. Новосаратовские колонисты также занимались продажей в городе молока, сливок и масла, а в летнее время принимали дачников, но, в отличие от Среднерогатской колонии, здесь сдавали не специально построенные для этого помещения, а верхний этаж жилого дома.

На полях новосаратовских колонистов царил такой же беспорядок, как и в самом селении: «Все поля перебиты, полоса с яровым хлебом находится возле полосы засеянной рожью, подле сей лежит паровая, или не очищенная от лесу», — отмечал В.А. Озеров³⁷. Причиной

плохой обработки полей, по его мнению, было то, что несмотря на строгие запреты, жители колонии неоднократно «производили между собою мены и уступки», и теперь, зная, что такое положение является незаконным, «не столько употребляют старания и издержек к удобрению своих полос, считая оныя за собою не надежными»³⁸.

В целом же одной из главных причин неудовлетворительного положения в колонии оба чиновника (как в свое время Ф.Ф. Рогенбуке и А.П. Кашкин) считали наличие в ней на протяжении долгого времени питейного дома и водочной лавки, вследствие чего у колонистов сформировалась «привычка к пьянству и разврату»³⁹.

Вместе с тем заподозрить авторов отчетов в предвзятом отношении ко всем петербургским колонистам не позволяют их единодушные похвалы в адрес жителей Ижорской колонии, лежавшей в одной версте от Колпино на р. Ижоре. На 1797 г. в этой колонии было 28 семей общей численностью 106 душ м.п. и 108 душ ж.п.⁴⁰

«По справедливости нужно сказать в похвалу сих колонистов, что они все рачительные домостроители и хорошие хлебопашцы; а сие доказывается и тем, что они, быв поселены на худой земле, безбедное донныне имеют содержание» — писал в своем отчете З.А. Хитрово⁴¹. В.А. Озеров также подчеркивал, что Ижорская колония «заслуживает по справедливости все внимание и попечение Экспедиции Государственного хозяйства»⁴². В обоснование своей высокой оценки ижорских колонистов он приводил следующие доводы: «Будучи поселены на не способной земле, сии колонисты, трудолюбием и прилежностью своею не токмо уплачивают бездоимочно определенные поземельные и долговые деньги, но имеют и безбедное пропитание. Обработанные у некоторых хозяев огороды, осушенные каналами поля, насажденные живые изгороди могут в пример служить прочим колониям, и есть ли сии поселяне в худшем находятся состоянии, нежели Среднерогатские колонисты, тому единственно причиною не способность их земли, и не таковая удобность продавать свои продукты и получать позем, каковую имеют последние»⁴³.

По объективным хозяйственным показателям Ижорская колония уступала обеим вышеназванным: картофеля здесь собирали от 50 до 80 четвертей на семью, урожай ржи и овса не превышал сам-3. Вместе с тем в этой колонии, в отличие от остальных, были построены риги и сараи для обмолачивания хлеба. Меньше здесь содержали и домашнего скота, однако в отчетах особо подчеркивалось, что колонисты предпринимают целенаправленные усилия, чтобы преодолеть труд-

ности, связанные с менее выгодным положением своего селения. Одной из главных проблем здесь, как и в других колониях, была невозможность собирать достаточное количество сена, необходимого для содержания скота, что, в свою очередь, вело к нехватке удобрений, без которых нельзя было добиться повышения урожайности полей. По берегам рек каждому семейству удавалось накопить до 200 пудов сена, а в прочих местах, по словам З.А. Хитрово, «по причине болотистаго и дурнаго кряжа, при всем их старании сена не родится»⁴⁴. Чиновник отмечал, что, колонисты «распахивали и засевали те места травкою, но чрез два года они превращались опять в мох»⁴⁵. Вследствие этого каждому хозяйству приходилось тратить значительную часть своих доходов от продажи картофеля на покупку сена и удобрений. В то же время продавать свои продукты ижорские колонисты были вынуждены по более низкой цене. Так, масло они поставляли по долгосрочному подряду в занимавшуюся снабжением императорских резиденций Придворную контору, получая за него почти вдвое меньше, нежели среднерогатские колонисты (40 коп. против 70 коп. за фунт), т.к. не имели уверенности в том, что, проехав более 30 верст до столицы, гарантированно смогут продать его⁴⁶. Некоторый доход ижорские колонисты получали от проезжающих в Колпино, которые, как писал Хитрово, «у них останавливаясь, довольствуются всем потребным»⁴⁷, а кроме того — от перевозки леса. У общины не было финансовой возможности построить и содержать отдельное помещение для школы, поэтому школьные занятия проводились по очереди в домах колонистов.

Путь к улучшению положения ижорских колонистов чиновники Экспедиции Государственного хозяйства видели в том, чтобы переселить часть из них на новые места и разделить всю пригодную к обработке землю между оставшимися хозяйствами. С целью решения проблемы недостатка сена предлагалось побудить колонистов к разведению искусственных лугов, раздав им приобретенные за счет вносимых ими в казну долговых денег семена клевера и дятловины.

Особняком среди немецких селений Санкт-Петербургской губернии стояли располагавшиеся в ее юго-западной части Ямбургские колонии — Луцкая, Порховская и Франкфуртская. Первоначально в них были поселены 92 семьи, но в 1792 г. по причине крайне тяжелого экономического положения большую часть населения этих колоний было решено переселить в Екатеринославскую губернию, так что к 1797 г. во всех трех селениях проживали лишь 22 семьи (81 душа м.п. и 63 души ж.п.)⁴⁸.

На момент проведения описываемых ревизий ямбургские колонисты по-прежнему были беднее подстоличных. В связи с отсутствием возможностей для сбыта сельскохозяйственной продукции их хозяйство в большей степени носило натуральный характер. В отличие от трех других колоний картофеля здесь сажали не более одной-двух четвертей на семью, «потому что, — как пояснял З.А. Хитрово, — в продажу употребить <...> не могут, ибо не только во всех тамошних селениях, но и в Ямбурге жители упражняются в разведении картофеля»⁴⁹. Из зерновых, помимо распространенных в других колониях ржи и овса, здесь возделывали еще ячмень и пшеницу. Скота ямбургские колонисты держали больше других — по две лошади, по четыре-пять коров и по несколько свиней и овец.

Ямбургские колонии отличались от подстоличных тем, что с первых лет существования основным источником дохода их жителей были не занятия земледелием, а работа на принадлежавшей казне Ямбургской суконной фабрике. На момент проведения ревизий эта фабрика уже не существовала, однако колонисты продолжали заниматься ткачеством. З.А. Хитрово писал, что они в свободное от полевых работ время «ткут бумазеи на партикулярныя Ямбургския фабрики; жены же и девки занимаются все чесанием и пряжею бумаги для тех фабрик»⁵⁰. В.А. Озеров в своем отчете сообщает подробности организации данного промысла, находившегося, по его словам, в руках нарвских купцов: «Большею частию молодые хозяева, взрослые на Ямбургской суконной фабрике, весьма искусные ткачи. В зимние месяцы некоторые из них, употребляя шерсть своих овец, и прикупая к ней еще Лифляндскую, ткут сукна и байки, но больше таких, кои не имея на что купить шерсти, берут ее от Нарвских купцов, чешут, прядут и ткут, получая небольшая задельныя деньги. Другим колонистам на таком же основании раздается от купцов бумага для тканья бумазей, полубумажных материй и прочаго»⁵¹.

Ткачество не приносило колонистам достаточного дохода. Построенные казной при основании колоний дома давно требовали починки, отведенное при поселении под церковь каменное здание «пришло в крайнюю ветхость так, что без опасности входить в оное не можно», находившийся при церкви католический священник не получал положенного ему жалования, обучение детей грамоте не производилось⁵².

Оба ревизора признавали, что трудности ямбургских колонистов имели под собой объективные основания и в значительной степени были связаны, помимо отдаленности от столичного рынка, с полным

отсутствием контроля над ними со стороны государственных органов (весь предшествующий ревизиям период жители колоний «управлялись сами собою»)⁵³.

Тем не менее В. А. Озеров, докладу которого присущ в целом более критичный по отношению к колонистам тон, отмечал, что они «более показывают себя бедными нежели в самом деле таковы»⁵⁴. Те же, кто на самом деле бедны, сами в этом виноваты: «Владея довольно способною землею, оставляют полосы свои <...> под траву, требующую меньших трудов к уборке своей, нежели обрабатывание участка для посева хлеба; имея лесу в изобилии, оставляют дома без починки и дворы без огороды»⁵⁵.

В качестве помощи занимавшимся ткачеством колонистам Озеров предлагал снабдить их за счет казны деньгами на покупку шерсти, чтобы они могли работать самостоятельно, не завися от нарвских купцов. Хитрово указывал на необходимость «согласить» колонистов принять на себя обязательства по исполнению Полицейского устава и Инструкции сельским приказам, действие которых до сих пор не распространялось на Ямбургские колонии⁵⁶.

Важнейшим результатом ревизий З. А. Хитрово и В. А. Озерова стало признание оспаривавшегося до сих пор факта, что отведенные колонистам земельные наделы по своей площади существенно меньше оговоренных в заключенных при поселении контрактах и содержат в своем составе значительную часть земли, непригодной для сельскохозяйственной обработки. По принятому по итогам ревизии З. А. Хитрово Указу Павла I от 16 июля 1797 г. колонистские наделы были приведены в соответствие с контрактами⁵⁷. Важным побудительным мотивом к улучшению обеспечения колонистов землей стала содержащаяся в отчетах информация об отправке детей из многодетных семей в Петербург для обучения ремесленным профессиям, что противоречило правительственным планам.

По предложению З. А. Хитрово для непосредственного руководства колониями была введена должность смотрителя, которую занял коллежский ассессор Н. Ганеман.

Предложения В. А. Озерова касались в основном усовершенствования орудий труда и способов обработки земли. Одна из основных его идей — введение травосеяния и связанного с ним многопольного севооборота — была реализована во всех колониях в 1803—1806 гг.

В целом меры, предпринятые Экспедицией Государственного хозяйства с учетом данной в докладах З. А. Хитрово и В. А. Озерова

достаточно объективной оценки состояния петербургских немецких колоний заложили основу для их успешного развития на протяжении длительного последующего периода.

1. Подробнее об основании колоний см.: *Бахмутская (Лебедева) Е.В.* Образование немецких колоний в Санкт Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сборник научных статей / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999. С. 233–245.

2. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 1–12; Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 84–93, 161–169.

3. Полное Собрание законов Российской империи: Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 1–45. (Далее ПСЗ I). Т. 24. № 18006.

4. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 2–12.

5. Там же. Ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 9.

6. Там же. Л. 9 об.

7. Там же. Л. 9.

8. Там же. Л. 4.

9. Там же. Л. 8.

10. Там же. Л. 8 об.

11. Там же. Л. 10–10 об.

12. Там же. Л. 2.

13. Там же. Л. 10 об.

14. Там же. Л. 10 об. 11.

15. Там же. Л. 10 об.

16. Там же. Л. 11.

17. Там же.

18. Там же. Л. 6–7.

19. Подробнее см.: *Бахмутская (Лебедева) Е.В.* Правительственная политика в сфере управления иностранными поселениями в России. 1760–1870-е годы (на примере немецких колоний Санкт Петербургской губернии) // Немцы Санкт Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 117–128.

20. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 161.

21. Там же. Л. 84.

22. Там же.

23. Там же.

24. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 84 об.

25. Там же. Л. 85–85 об.

26. Там же. Л. 86.

27. Там же.

28. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 161.

29. Там же. Л. 161 об.

30. Там же. Л. 162.

31. Там же. Л. 163.
32. Там же. Л. 88.
33. Там же. Л. 165.
34. Там же. Л. 88.
35. Там же. Л. 88 88 об.
36. Там же. Л. 88 об.
37. Там же. Л. 165 об.
38. Там же.
39. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 165.
40. Там же. Л. 86.
41. Там же. Л. 87 об.
42. Там же. Л. 163.
43. Там же. Л. 163 163 об.
44. Там же. Л. 87.
45. Там же.
46. Там же. Л. 163 об.
47. Там же. Л. 87 об.
48. Там же. Л. 89 об. 90.
49. Там же. Л. 90 об.
50. Там же. Л. 91.
51. Там же. Л. 168 об.
52. Там же. Л. 90 об.
53. Там же. Л. 92.
54. Там же. Л. 167 об.
55. Там же.
56. Там же. Л. 92, 168 об. 169.
57. ПСЗ I. Т. 24. № 18006.